

С. В. Голикова

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ УРАЛА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВВ.

УДК 94(470.5)17/19”

ББК 63.3(235.55)5

Вплоть до середины XIX в. все усилия, направленные на снижение уровня детской смертности, не приносили ощутимых результатов. Характерная для традиционного демографического режима высокая детская смертность находила оправдание в общественных представлениях о мироустройстве, что выражалось в соответствующих поведенческих нормах. Снижение уровня детской смертности в странах Западной Европы изменило и воззрения, регулирующие массовое поведение в демографической сфере. В России новые взгляды были восприняты вначале образованными и состоятельными слоями населения. Однако в народных массах переменам противостояло инертное сознание с архаическими представлениями об ангельской природе крещеных детей и об их смерти как об особой божьей милости. Для умерших до семи лет был выработан упрощенный вариант похоронно-поминальной обрядности. Традицией контролировалось и поведение родителей, потерявших ребенка: материнские скорбь и горе были объявлены греховными, поскольку ухудшали загробное существование детей. Стремление обеспечить своему ребенку благоприятную посмертную судьбу было так сильно, что порой провоцировало матерей на умышленное лишение его жизни в детском возрасте. Уголовные преступления подобного рода показывают, насколько трудно было вплоть до конца дореволюционного периода изменить представления о ценности жизни детей, ввести в обиход широких масс образцы и стандарты демографического поведения, способствующие выживанию новых поколений.

Ключевые слова: *демографическое поведение, детская смертность, традиционная культура, представления о загробном мире, похоронная обрядность, женская преступность*

«Матушка Софья Николаевна, — не один раз говорила, как я сам слышал, преданная ей душою дальняя родственница Чепрунова, — перестань ты мучить свое дитя; ведь уж и доктора и священник сказали тебе, что он не жилец. Покорись воле божией: положи дитя под образа, затепли свечку и дай его ангельской душеньке выйти с покоем из тела. Ведь ты только мешаешь ей и тревожишь ее, а пособить не можешь...»¹ Эти слова из известного автобиографического произведения С. Т. Аксакова, адресованные матери главного героя — дворянке Уфимской губернии, с очевидностью характеризуют отношение людей того времени к смерти детей. Спокойный, уверенный в неотвратимости происходящего взгляд на уход из этого мира только что пришедшего в него ребенка отражал объективную реальность — высокий уровень младенческой и детской смертности.

¹ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники. М., 1984. Т. 1. С. 10.

При традиционном демографическом режиме более 50% смертей приходилось на детский возраст. Исследователи народонаселения второй половины XIX — начала XX вв. обращали внимание не только на численное преобладание случаев смерти детей от рождения до пяти лет, но и на формирование картины общей смертности под воздействием детской. «Кривая общей смертности есть как бы повторение кривой, изображающей распределение смертности в детском возрасте», — отмечал доктор Ижевского завода И. И. Андржеевский в 1880 г. — и это «происходит, конечно, от подавляющего численного преобладания этой последней, за которым исчезают характеристические колебания всех прочих кривых линий».² Все авторы того времени подтверждали факт преобладания смертных случаев именно на первом–пятом году жизни. Чем старше был ребенок на отрезке от нуля до пяти лет, тем больше у него было шансов на долгую жизнь, в отличие от обычной ситуации, когда с увеличением возраста эти шансы

² Андржеевский И. Болотные болезни на Севере: медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 61.

снижались. Это явление получило название «парадокс детской смертности».³

Еще в первой половине XIX в. большинство жителей даже развитых стран мира каждодневно сталкивалось с доказательством того, что утрата детей в младенческом возрасте неизбежна. Немногие счастливые исключения — семьи, сохранившие все свое потомство, — служили лишь подтверждением общего правила. Так же и поведение Марии Николаевны Аксаковой (прототип Софьи Николаевны) было далеко не типичным для дворянки как периода, описываемого в книге (последнее десятилетие XVIII в.), так и времени ее написания (конец 1850-х гг.). В отличие от окружающих, она не могла отнестись к судьбе своих детей фаталистски: «...с гневом встречала такие речи моя мать и отвечала, что, покуда искра жизни тлеется во мне, она не перестанет делать все, что может, для моего спасенья...»⁴ Однако самоотверженное поведение родителей не всегда являлось залогом успеха. Горечь потери ребенка испытала и мать С. Т. Аксакова. Он пишет: «...разразился внезапно громовой удар над несчастною Софьею Николаевной» — скоропостижно умерла ее дочка, первенец, «ангел Парашенька». Мемуарист сообщает: «...едва не помешалась мать, едва не умерла...»

Иступленная борьба Софьи Николаевны за жизнь новорожденных находилась в полном диссонансе с «низовым» религиозным сознанием, которое расставляло акценты иначе: у православных большим несчастьем считалась смерть некрещеного ребенка, а смерть крещеного, наоборот, воспринималась как особая божья милость. Показательно название баллады «Господь и девка, топившая своих детей некрещеными». Главный грех героини заключался не в том, что она топила детей, и не в том, что рожала «в девках», а в том, что умерщвляла детей «нехристями».⁵ В собранных И. И. Железновым сказаниях уральских казаков об «обмирающих» (побывавших на том свете и вернувшихся) упоминается потустороннее «жилище младенцев»: «Кажись, что бы взять с младенцев, ведь души они безгрешные, ан и их блаженство по сортам. Одни как есть блаженствуют; такие светленькие, беленькие, пригоженькие, веселенькие, бегают, резвятся и яблочками играют.

Глядя на них, дух радуется... Иные же из младенцев — чуждое дело! — есть слепенькие, ничего, значит, не видят, и носят их на руках ангелы-хранители». Это были души тех, «кои, от небрежения родителей, умирали некрещеными».⁶

Этнолог и фольклорист Т. А. Бернштам обратила внимание на существовавшие в церковной практике значительные отличия в обрядах смертного перехода младенцев (детей до 7 лет) и людей, умерших в иных возрастах. Для детей до семи лет применялся особый чин в смертно-погребальных требах: предсмертных обрядов с ними не совершали, отпевание их было короче.⁷ Клир, однако, жаловался на отказы прихожан и от короткой процедуры. В 1844 г. иерею Дмитрию Флоровскому поступило сообщение о вдове Матрене Сметаниной. Про эту жительницу Уткинской слободы местный причт писал: «...как дошло до слуха нашего, дети померли у нее больше месяца, а как похоронила, нам до сего неизвестно, и без отпения». Малышей не стало летом, «в самое страдное время», поэтому только в сентябре «пропета была по душам их панихида».⁸ В приходе Михаило-Архангельской церкви села Гнездовка Оренбургского уезда в конце XIX в. младенцев всегда хоронили без предварительного отпевания и часто без возложения венчиков. «Хотя бы, — отмечал современник, — отец умершего жил и подле священника». С просьбою «об отпении» детей здесь также являлись через месяц и позднее.⁹ Похороны детей повсеместно были самыми скромными: часто обходились без священников, в погребении участвовала только родня.¹⁰ «Если же хоронится младенец, — писал о Малмыжском уезде Вятской губернии в 1856 г. М. И. Осокин, — то отец умершего один исправляет все, что нужно при погребении: вырывает могилу и зарывает гроб; уж разве придет помочь ему мать покойного ребенка».¹¹ Именно такой упрощенный ритуал последовал после кончины малолетнего сына главной героини повести А. А. Кирпищиковой «Порченная». Свекровь

³ Боярский А. Я. Парадокс детской смертности // Народонаселение: энцикл. слов. М., 1994. С. 295.

⁴ Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 10.

⁵ См.: Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 154.

⁶ Железнов И. И. Сказания уральских казаков. Оренбург, 2006. С. 417, 418.

⁷ См.: Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 162, 165, 182.

⁸ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1319. Л. 2, 14.

⁹ См.: Чижев П. Приход Михаило-Архангельской церкви // Оренбург. епарх. ведомости. 1899. № 16. С. 623.

¹⁰ См.: Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 183, 184.

¹¹ Осокин М. И. Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 59. С. 82.

обмыла мальчика, одела его «в чистую рубашечку и положила на стол». Отец ребенка был в отлучке. «Вечером забежал Спиридон» — свекор, «сказал, что надо парня схоронить скорее, что он позаботится о гробике для него и спросит попа, когда велит нести ребенка в церковь». «Поп велел принести младенца к вечерне. Спиридон не пошел провожать, потому что нельзя было бросить работу. Провожали Власовна, Андреевна и Настя. <...> Кончилось отпевание, все простились с младенцем, простилась и мать, покрыли личико полотном, посыпали землицы, заколотили крышку гроба и понесли из церкви».¹² Поминать малышей (как и молиться о них) считалось необязательным, поскольку эти действия были направлены на улучшение загробной судьбы.¹³

Народная традиция относилась к смерти крещенных детей до 7 лет к разряду положительных случайностей, считавшихся знаком божьей милости. Бог забирал к себе по особому расположению, во избавление от земных тягот и возможных грехов. Безгрешное, не успевшее вкусить земных наслаждений, дитя сразу наследовало царство небесное. Его душа не была подвержена мытарствам. Умерших детей называли «угоднички божии», «крещенные ангелы»; считалось, что на небесах они становились ходатаями-молитвенниками за своих родителей. Для христиан смерть ознаменовывала переход в «Божье царство», следовательно, была радостным, а не печальным событием. В «низовой» культуре с ее признанием скорби по мертвым (тем более по умершим детям) греховной сложился запрет «на многие слезы». Считалось, что иначе ребенок не вознесется, «утонет в слезах», будет «лежать в воде». Прежде всего под контроль попадали чувства матери: она не должна была плакать по умершему младенцу, а у полешуков — даже провожать его на кладбище.¹⁴ В. В. Головин записывает: «Матери плакать об детях грех, потому что который младенец помер, то это богу свечка ушла. Ребенок до семилетнего возраста пойдет непременно в рай, а младенец 2-х или 3-х лет может даже поступить в ангелы. Родители не должны плакать по детям, от этого они [дети] уходят глубже, а если не плачут, то возносятся».¹⁵

¹² Кирпищикова А. А. Порченая // Современник. 1865. № 11/12. С. 202.

¹³ См.: Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 168, 170.

¹⁴ Там же. С. 165, 166, 180; Кабакова Г. И. Указ. соч. С. 249.

¹⁵ Головин В. В. Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 45.

Представления об ангельской природе детей и восприятие их смерти как божьей милости, в среде религиозно настроенных лиц могли стать причиной совершения даже уголовных преступлений. В 1870 г. «Пермские губернские ведомости» опубликовали заметку священника И. Мизерова «Новый случай изуверства в жизни раскольников...» о происшествии в деревне Кл-вой Ольховской волости Шадринского уезда. Утром на «Николау Вешнего», пока в семье А. С. М-вой все спали, женщина «со всего размаху» бросила годовалую дочку в топившуюся печь, взяла клюку и «свое сердешное дитячко» подвинула в самое пекло. Очевидцем содеянного стала сноха, разбудившая домашних. «Дрожащими от страха руками отец ребенка вытаскивает этот труп из печки, берет его на руки и вместе с ним падает на лавку».¹⁶

Контекст подобного преступления раскрывает драма в семье Михайло Ковыля, описанная П. И. Небольсыным. Михайло «по любви» женился на Параске, и «Господь благословил эту чету прекрасным ребенком». Настораживало одно: «Дикие, несродные простой грубой крестьянке мысли теснились в голове Параски. Она чаще и чаще задумывалась об участи дорогого ребенка, и все более и более ее смущали страшные предчувствия, что ее Марусенька будет несчастна, Марусенька забудет Бога, предастся греху и делается ведьмой». П. И. Небольсин не уточняет местоживания Ковылей, но, судя по именам и фамилии, речь идет о жителях Малороссии. По наблюдениям Г. И. Кабаковой, в Полесье — русско-украинско-белорусском пограничье — взросление детей воспринималось как утрата ими невинности. Пока ребенок не научился ходить — его носят ангелы, пока он не научился говорить — он понимает их язык; пока крещеный ребенок не согрешил — его называют ангелом, и если он умрет, то попадет в рай.¹⁷ Далее события в семье Ковыля развивались подобно шадринским с той лишь разницей, что «зажаренной» девочке исполнилось уже пять лет.

П. И. Небольсин полагал, что совершенное Параской — «злодеяние, по ужасу, им внушаемому, единственное в летописи судебных производств богобоязливой России; случай почти невероятный, если б он, к несчастью, не был слишком истинен!» Однако о подобном инциденте в 1860-е гг. сообщалось в ведомственном

¹⁶ Мизеров И. Новый случай изуверства в жизни раскольников и несколько слов о современном состоянии раскола в Шадринском уезде // Перм. епарх. ведомости. 1870. № 24. С. 293, 294.

¹⁷ См.: Кабакова Г. И. Указ. соч. С. 128.

журнале Медицинского департамента, а затем случилось происшествие, описанное И. Мизеровым. Священник указывал на идейную подоплеку антигуманного поступка. Поскольку в обоих случаях преступницы не запирались перед следствием, стало известно, что уральский и украинский варианты фанатизма опирались на религиозную почву. Шадринская крестьянка пошла на преступление совершенно сознательно, желая приготовить себе и дочери «венце мученический на небе». Поводом к детоубийству стало ее знакомство с рассказами о «матушке Аллилуйе», которая, спасая Христа от иродов, бросила в раскаленную печь грудного своего ребенка и взяла себе на руки «самого истинного Христа». Женщина полагала, что подобная жертва — «самый верный и удобный случай добровольно принять и перенести на сей земле всевозможные муки и страдания».¹⁸ У жены Михайло Ковыля был аналогичный посыл: «На допросе в суде Параска раскрыла всю истину, рассказала, как она погубила дочь, как она веровала, что чрез это спасает свое детище от горькой и греховной жизни, как она более года обдумывала это дело, понимая, что она решается на дело ужасное, неслыханное».

Журнал «Архив судебной медицины и общественной гигиены» в 1860-е гг. объяснял состояние матерей, совершавших подобным образом убийства новорожденных детей, временным помешательством после родов и, используя достижения нарождавшейся психиатрии, стремился освободить их от уголовного преследования. Публикация П. И. Небольсина, датированная серединой XIX в., показывает, что снисходительное отношение к так называемой «женской преступности» в качестве новации высших судебных инстанций появилось еще в 1840-е гг. Суд первой степени признал Параску виновной. Уголовная же палата объясняла ее действия душевным расстройством и «односторонним помешательством». «Строгое юридическое вменение, — сообщает с иронией Небольсин, — здесь было невозможно, а потому суд, не решаясь оправдать Параску начисто, облегчил, однако ж, ожидавшую ее участь столько, сколько дозволяет и повелевает это человеколюбие наших положительных законов».

На протяжении XIX в. изменялось не только отношение к инфантициду, но и положение с детской смертностью. Число выживших детей возросло, снижение риска умереть в

младенческом возрасте превратилось в устойчивое явление, постепенно охватившее весь мир. В Российской империи положительные сдвиги быстрее всего произошли в западных областях. В остальных регионах положение менялось крайне медленно. Так, например, Пермская губерния продолжала занимать одно из первых мест в стране по детской смертности.¹⁹ Понимание того, что можно спасти не единичные детские жизни, а статистически значимое количество детей, целое поколение, стало отправным пунктом в стремлении врачей сформировать определенное общественное мнение. Однако их усилия наталкивались на равнодушие населения. «Всякие увещания и объяснения о необходимости своевременного обращения за медицинской помощью, — сообщал врач В. Б. Загорский в 1893 г., — не достигают цели, и крестьянка, потеряв от затяжного поноса 5 детей, и у 6-го ждет, что так пройдет, и несет его к врачу почти накануне смерти».²⁰ «Трагизм вопроса о детской смертности», по мнению авторитетного уральского доктора П. Н. Серебрянникова, заключался именно «в постоянстве этого явления на протяжении целого столетия». «Какова она была в начале прошлого столетия, по исследованиям Германа, — указывал врач в 1910 г., — такова она и теперь». «Вопрос о детской смертности — вопрос жизни или смерти всей России», — заключал он.²¹

С середины XIX в. прогрессивно настроенная «образованная» публика стала трактовать народные воззрения и диктуемое ими поведение (массовое и экстраординарное) как отсутствие родительской любви. «Безжалостная мать» из народа была мишенью для высказывания «просвещенной» барыни: «Если ребенок умирает, то его на другое же утро предают земле, и с кладбища мать идет домой с провожатыми довольная, веселая и говорит: “Ну, слава Богу, — Господь прибрал ребеночка; теперь ни заботы, ни труда, знаю, что лежит на месте в покое”».²² Дьякон Благовещенского собора города Кунгура Е. Золотов соглашался

¹⁹ См.: Голикова С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург, 2012. С. 138, 139.

²⁰ Загорский В. Б. Несколько слов об уходе за детьми в Челябинском уезде // Зап. Урал. мед. о-ва. Екатеринбург, 1893. Вып. 2. С. 13, 14.

²¹ Журнал заседаний и заключений комиссий съезда // Труды X съезда врачей и представителей земств Пермской губернии. Пермь, 1910. Ч. 1. С. 41.

²² С-а М. Местные нравы // Перм. губерн. ведомости. 1865. № 14. С. 57.

¹⁸ Мизеров И. Указ. соч. С. 293, 297.

с тем, что «относительно смертности детей крестьяне редко предпринимают какие-нибудь предохранительные меры», но пытался объяснить пассивность родителей: «Если присмотреться к быту крестьян, то можно прийти к заключению, что они ко всяким своим несчастьям относятся фаталистически. И редко, редко сами собой, без побуждения внешних влияний, что-нибудь предпринимают относительно предохранения себя в разных несчастных случаях. Оправдание и утешение они находят в том, что так де Богу угодно, что больше Бога не будешь, что Бог посылает на них такое наказание или испытание за грехи». ²³ Седая старушка, утешавшая потерявшую ребенка героиню повести А. А. Кирпищиковой «Порченная», выразилась жестче: «...все мы Божьи, все под Богом ходим. Буди его святая воля... Вот я... десятерых в землю закопала, каждого жаль было, точно часть от себя отрывала. Что будешь делать, против рожна прать невозможно». ²⁴

При таких условиях фатализм следует признать психологической защитой родителей. И служителю культа было «грустно видеть, когда в большом приходе каждый день приносят в церковь по несколько умерших детей». Какое же приходилось их близким? В повести А. А. Кирпищиковой описано состояние матери «из народа» в эти дни: «Ужас и горе проникли

в сердце Насти, и тяжесть этого горя была тяжелее и мучительнее всего испытанного ею до сих пор». Бабушка Насти, вместо родителей выросшая девочка, также «не могла без ужаса подумать», что та может умереть, «и всеми силами старалась сохранить ее жизнь». ²⁵ Обращение автора к образам Насти и ее бабушки показывает, что эмоции и действия в связи с угрозой жизни любимого дитя, аналогичные реакциям матери С. Т. Аксакова, существовали и в народной среде, однако они были единичны и воспринимались как исключение (что подчеркивается названием повести «Порченная»). Нормативная же позиция не испорченного новыми веяниями «морального большинства» по отношению к младенцам заключалась в принципе: «Не заревутся... А заревутся, так другие заведутся». ²⁶

Анализ представлений и практик, связанных с детской смертностью, показывает, что препятствия на пути к снижению ее уровня заключались не в одних объективных экономических трудностях. Инертное общественное сознание, подпитываемое традиционными и архаическими представлениями, не позволило вплоть до конца дореволюционного периода изменить представления о ценности жизни детей, ввести в обиход широких масс образцы и стандарты демографического поведения, способствующие выживанию новых поколений.

Svetlana V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: avokilog@mail.ru

ATTITUDES TOWARDS CHILD MORTALITY IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE URAL'S RUSSIANS IN THE END OF THE 18TH — EARLY 20TH CENTURIES

Until the middle of the 19th century no efforts aimed at reduction of child mortality rates had any noticeable effect. The high child mortality rate characteristic for the demographic pattern was firmly established in the minds of the population as an indispensable element of the world order which found its reflection in the accepted norms of behavior. Reduction of child mortality rates in Western Europe gradually changed the prevailing attitudes regulating the behavior patterns in the demographic sphere. In Russia the new attitudes were at first recognized only by the educated and the wealthy groups of the population. However the general population resisted the change because of the long-standing archaic beliefs in the angelic nature of baptized babies and the perception of their death as a particular grace of God. There was a special simplified funeral-and-commemoration ritual for infants who died before they reached the age of seven. Tradition also regulated the behavior of parents who lost their child: a bereaved mother's grief and sorrow were declared a sin, since they negatively affected the children's afterlife. A desire to ensure a favorable posthumous existence for a baby was so strong that sometimes it even pushed mothers to a deliberate infanticide in the early childhood period. This type of crime demonstrated how difficult it was right up to the end of the pre-revolutionary period to change the popular attitudes towards the value of a child's

²³ Золотов Е. По поводу смертности крестьянских детей // Екатеринбург. епарх. ведомости. 1888. № 25. С. 589, 590.

²⁴ Кирпищикова А. А. Указ. соч. С. 203.

²⁵ Там же. С. 169, 201.

²⁶ Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор / собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1953. С. 131.

life, transform the general population's mentality introducing the patterns and standards of demographic behavior supporting new generations survival.

Keywords: *demographic behavior, child mortality, traditional culture, ideas about the afterlife, funeral rites, female criminality*

REFERENCES

Bernshtam T. A. *Molodost v simbolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan: Uchenie i opyt Tserkvi v narodnom khristianstve* [Youth in the symbolism of transition rites of the eastern Slavs: the teaching of the Church and Christianity in the national experience]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2000. 400 p. (in Russ.).

Boyarskiy A. Ya. *Paradoks detskoy smertnosti* [Paradox of child mortality]. *Narodonaselenie. Entsiklopedicheskiy slovar* [Population. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1994, pp. 295. (in Russ.).

Golikova S. V. *Detskaya smertnost v Permskoy gubernii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.): istochnikovedcheskiy i metodicheskiy aspekty* [Child mortality in the Perm province (second half of 19th — early 20th centuries): source study and methodical aspects]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2012. 176 p. (in Russ.).

Golovin V. V. *Organizatsiya prostranstva novorozhdennogo* [Organization of the newborn area]. *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiyakh narodnoy kultury* [Homeland, kids, midwife in the traditions of folk culture]. Moscow: RGGU Publ., 2001, pp. 31–60. (in Russ.).

Kabakova G. I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoy traditsii* [Anthropology of the female body in the Slavic tradition]. Moscow: Lodomir Publ., 2001. 335 p. (in Russ.).

Zheleznov I. I. *Skazaniya uralskikh kazakov* [Tales of the Ural Cossacks]. Orenburg: Orenburgskaya kniga Publ., 2006. 496 p. (in Russ.).